

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
РЕЛИГИОЗНОГО ПРОСТРАНСТВА / POLITICAL LEGAL
FEATURES OF RELIGIOUS ENVIRONMENT

Серия «Политология. Религиоведение»

2016. Т. 15. С. 76–86

Онлайн-доступ к журналу:

<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского
государственного
университета

УДК 322(571.14)

**«Дело о Тангейзере»: секулярный парадокс
и правовая коллизия**

Л. В. Савинов, Е. А. Дорожинская, А. В. Сигарев

*Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте РФ, г. Новосибирск*

Аннотация. Рассматриваются во взаимосвязи правовые, этические и социально-политические аспекты конфликта между православными активистами и представителями Новосибирской митрополии с одной стороны и авторами постановки оперы «Тангейзер» в Новосибирском государственном академическом театре оперы и балета – с другой. Обращается внимание на возможности и ограничения «вхождения» церкви в светское пространство культуры и искусства. На основе решения суда и публичной дискуссии, сопровождавшей резонансную ситуацию, авторы выделяют причины и последствия конфликта. «Дело о Тангейзере» показало высокий уровень конфликтности современного российского общества в сфере соприкосновения сакрального и институционального понимания роли церкви как социального института в условиях постмодерна.

Ключевые слова: религия, государство, право, сакральное, светское, конфликт, религиозный символ, РПЦ, Новосибирск, «Тангейзер».

10 марта 2015 г. мировой судья Центрального района г. Новосибирска Е. Сорокина прекратила административное дело по ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ «Нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях» в отношении бывшего директора Новосибирского государственного академического театра оперы и балета (НГАТОиБ) Бориса Мездрича и режиссера Тимофея Кулябина, связанное с резонансной постановкой оперы Рихарда Вагнера «Тангейзер», за отсутствием события правонарушения [17].

Дело было возбуждено по инициативе митрополита Новосибирского и Бердского Тихона, обнаружившего в постановке осквернение предметов религиозного культа и обратившегося по этому поводу в правоохранительные органы. В частности, его возмутило то, что Иисус Христос был представлен в качестве героя эротического фильма «Грот Венеры», который по ходу сюжетной линии оперы в современной ее интерпретации снимает Тангейзер.

Сюжет оперы Вагнера строился на том, что рыцарь Тангейзер, вкусивший любовь самой Венеры, пытался искупить этот грех. Режиссер Тимофей Кулябин перенес действие оперы в современность и представил Тангейзера кинорежиссером, снимающим фильм «Грот Венеры» о ранних годах жизни Иисуса, которые он якобы провел в гроте богини Венеры, испытывая плотские наслаждения (у Вагнера в гроте Венеры в начале оперы живет сам Тангейзер). В спектакле показывается плакат фильма – на нем фигура Христа помещена между женских ног. Кроме того, в постановке изображены и «съемки» этой картины, при этом на сцене появляется крест.

В ходе проверки, проведенной прокуратурой Новосибирской области, было установлено, что в действиях режиссера Тимофея Кулябина усматриваются признаки административного правонарушения, ответственность за совершение которого предусмотрена ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ, и в результате было вынесено постановление о возбуждении дела об административном правонарушении.

Позже прокурор И. В. Стасюлис в судебном заседании указывал на то, что анализ положений Конституции РФ и федеральных законов, буклета «Тангейзер», изданного и растиражированного НГАТОиБ в 2014 г., сюжета оперы «Тангейзер», поставленной Тимофеем Кулябиным, а также использованного в опере рекламного постера к фильму «Грот Венеры» позволяет сделать вывод об умышленном публичном осквернении предмета религиозного почитания – евангельского образа Иисуса Христа [12].

О крайне остром характере конфликта вокруг новосибирской постановки «Тангейзера» свидетельствовал градус публичной дискуссии, развернувшейся в региональных и федеральных российских СМИ, главным образом в интернете.

В свою очередь, Министерство культуры РФ провело общественные слушания с участием деятелей культуры и представителей РПЦ [16], после которого была озвучена официальная позиция [18]. При этом Министерство предложило внести в постановку изменения, а также принести публичные извинения всем, чьи религиозные чувства были задеты.

Конфликт вокруг новосибирской постановки «Тангейзера» заставил общественность в очередной раз обратить внимание на сложную проблему взаимодействия церкви и государства, а также на проблему влияния религиозных организаций и верующих на культурную политику и искусство в условиях современного общества. В данной статье предпринята попытка раскрыть на примере так называемого «Дела о Тангейзере» теологические, философско-этические, судебно-правовые и социально-политические аспекты взаимоотношений по осям «церковь – государство», «церковь – общество» и «церковь – искусство».

Рассматривая взаимоотношения религии и светского общества в современной России с юридической точки зрения, необходимо отметить очевидную тенденцию к расширению мер правовой защиты верующих. В российском законодательстве в последние годы появились новые составы правонарушений, связанные с посягательством на права последователей религий. В результате сложилась ситуация определенной коллизии между свободой совести и свободой слова, свободой совести и свободой творчества.

Важная, но практически «забытая» на сегодняшний день норма, касающаяся соотношения религиозных чувств и проявлений светской культуры, содержится в ст. 9 «Основ законодательства Российской Федерации о культуре»: «Права человека в области культурной деятельности приоритетны по отношению к правам в этой области государства и любых его структур, общественных и национальных движений, политических партий, этнических общностей, этноконфессиональных групп и религиозных организаций, профессиональных и иных объединений» [11].

В соответствии с ч. 6 ст. 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», «воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и свободу вероисповедания, в том числе сопряженное с насилием над личностью, с умышленным оскорблением чувств граждан в связи с их отношением к религии..., запрещается и преследуется в соответствии с федеральным законом» [8]. За нарушение данной нормы установлена как административная, так и уголовная ответственность.

Статья 5.26 КоАП РФ называется «Нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях». В первоначальной редакции она предусматривала наказание за «оскорбление религиозных чувств граждан либо осквернение почитаемых ими предметов, знаков и эмблем мировоззренческой символики». В 2007 г. наказание по данной статье было значительно усилено, а в 2013 г. были внесены поправки в КоАП РФ и УК РФ, в результате которых сохранилась административная ответственность за «осквернение», а «оскорбление религиозных чувств» стало уголовным преступлением, предусмотренным ст. 148 УК РФ.

В настоящее время ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за «умышленное публичное осквернение религиозной или богослужебной литературы, предметов религиозного почитания, знаков или эмблем мировоззренческой символики и атрибутики либо их порчу или уничтожение».

Понятия «порча» и «уничтожение» достаточно легко определить – речь идет об изменении физических свойств соответствующих предметов. С понятием «осквернение» дело обстоит сложнее. Его обычно характеризуют через ряд других «размытых» понятий: «циничное поругание», «унижение», «опорочивание», «издевательство» и т. п. Предполагается, что предмет религиозного почитания, не будучи поврежденным физически, используется в контексте, не совместимом с его религиозным смыслом и значением. В результате воздействия на предмет религиозного почитания происходит его «десакрализация», предмет утрачивает какие-то духовные свойства, в результате чего изменяется его восприятие верующими. Поскольку объективными научными методами доказать утрату предметом религиозного почитания приписываемых ему свойств невозможно, доказывание состава правонарушения по сути сводится к чисто психологическим аспектам.

В случае с «Делом о Тангейзере» судья исходил из анализа положений Федеральных законов «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной

ной собственности» и «О свободе совести и о религиозных объединениях», согласно которым к предметам религиозного почитания (паломничества) относятся здания для временного проживания паломников и предметы культа.

А в буквальном толковании положений ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ к предметам религиозного почитания относятся предметы материального мира; более того, религиозным почитанием являются места религиозного паломничества. Указанные выше положения законов не относят к числу предметов религиозного почитания евангельский образ Иисуса Христа [12].

В этом контексте юридически значимым обстоятельством «Дела о Тангейзере» являлось именно установление факта публичного осквернения предмета религиозного почитания – евангельского образа Иисуса Христа. Данный факт установлен не был, что в итоге воспрепятствовало привлечению к ответственности режиссера Тимофея Кулябина.

При этом практика применения ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ хотя и имеется, но весьма невелика и представляет собой довольно типичные и простые ситуации. Например, в 2014 г. постановлением Самарского гарнизонного военного суда установлено, что гражданин Н. в расположении роты материально-технического обеспечения войсковой части, обнаружив в одной из прикроватных тумбочек Новый Завет, в присутствии двух военнослужащих, «проявляя недовольство отказом последних убрать ее из расположения роты, умышленно, осознавая противоправный характер своих действий, публично осквернил данную религиозную литературу, поместив ее в мусорное ведро, после чего налил в указанное ведро воду» [13]. Действия Н. суд квалифицировал по ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ как «умышленное публичное осквернение религиозной литературы» (хотя точнее было их квалифицировать как порчу).

Что же касается уголовной ответственности за нарушение законодательства о свободе совести, то в УК РФ содержится целый ряд составов преступлений, связанных с религиозной проблематикой [1, с. 41–50]. При этом состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ, в значительной мере схож с составом преступления, предусмотренного ст. 148 УК РФ.

Статья 148 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за «публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих». Поправки в ст. 148, устанавливающие наказание за оскорбление чувств верующих, вступили в силу 1 июля 2013 г. Во многом на их разработку повлиял «панк-молебен» участниц группы Pussy Riot, состоявшийся 21 февраля 2012 г. в храме Христа Спасителя.

Надо отметить сложность разграничения указанных правонарушений и преступлений, так как они характеризуются умыслом и публичностью действия. Разница состоит в целях: если при осквернении предметов религиозного почитания лицо не имело цели оскорбления религиозных чувств верующих, то это административное правонарушение, в противном случае это уголовное преступление. Но применительно к конкретным жизненным ситуациям эту грань провести очень сложно.

Не менее сложно доказать и сам факт «оскорбления религиозных чувств верующих». Психология верующего человека характеризуется интенсивным эмоциональным переживанием причастности к божественному, духовному миру. Явления материального мира для верующего человека наделяются духовным смыслом. Оскорбление религиозных чувств представляет собой, по сути, формирование эмоционального состояния верующего человека, связанного с переживанием утраты этих субъективных смыслов.

Вместе с тем в комментарии юридической службы Московской патриархии отмечается, что в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» содержатся понятия «религиозные убеждения», «религиозные чувства» и «объекты религиозного почитания», из анализа соотношения которых явствует, что религиозными являются чувства благоговейного отношения лица к тому, что в соответствии с его религиозными убеждениями является для него святыней, при этом такой святыней для лица, несомненно, являются его религиозные убеждения, догматы религии, личности и деяния святых, а также священные изображения и тексты, иные предметы религиозного назначения, места религиозного почитания (паломничества) [4].

По многим признакам преступление, предусмотренное ст. 148 УК РФ, близко к преступлению, предусмотренному ст. 282 УК РФ. Различие между ними сводится к вопросу о том, на кого были направлены публичные действия преступника. Если действия были направлены только на верующих, с целью оскорбить их религиозные чувства, применяется ст. 148, а если целью было возбуждение ненависти к верующим среди неопределенного круга лиц, применяется ст. 282 УК РФ. С точки зрения идейной мотивации к вышеназванным преступлениям близок состав, предусмотренный п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ: «хулиганство, то есть грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное по мотивам религиозной ненависти или вражды». Отличие только в объективной стороне деяния – грубом нарушении общественного порядка.

Анализ зарубежного законодательства показывает, что во многих национальных правовых системах законы, предусматривающие ответственность за оскорбление религиозных чувств верующих или богохульство, действовали на протяжении десятилетий, а то и веков [6, с. 37–42]. В зарубежном законодательстве можно встретить различные формулировки правонарушений в данной сфере [2, с. 111–123]: публичная хула против Бога (Финляндия); оскорбление Бога (Греция); унижение религиозных доктрин (Австрия); оскорбление религиозной организации или группы (Германия); насмехательство или оскорбление догм и богослужения, непристойное обращение с церковными предметами (Исландия); диффамация религии (Словакия); богохульная клевета (Канада); оскорбление религиозных доктрин в оскорбительной или ранящей манере (Норвегия); десакрализация объекта религиозного поклонения (Венгрия) и т. д. В США в настоящее время суд считает преследование за оскорбление религии не соответствующим свободе слова, а в Великобритании соответствующие законы Англии и Уэльса были отменены в 2008 г. [5].

Однако позиция многих авторитетных международных организаций по вопросу «законов о богохульстве» в основном отрицательна. Парламентская ассамблея Совета Европы 29 июня 2007 г. приняла Рекомендацию 1805 по вопросу кощунства, религиозных оскорблений и разжигания ненависти на основе религиозных различий, где указывается, что кощунство как оскорбление религии не должно считаться уголовным преступлением. Следует проводить различие между вопросами, связанными с нравственной совестью, и вопросами, связанными с законностью [19].

В решении Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) по делу Уингроу против Соединенного Королевства сказано: «У тех, кто открыто выражает свою религиозную веру, независимо от принадлежности к религиозному большинству или меньшинству, нет разумных оснований ожидать, что они останутся вне критики. Они должны проявлять терпимость и мириться с тем, что другие отрицают их религиозные убеждения и даже распространяют учения, враждебные их вере» [3, с. 672].

На протяжении десятилетий идет дискуссия о «диффамации религии» в рамках ООН [21, р. 769–784]. Интересные выводы содержатся в документе ООН, называемом «Рабатский план действий по запрещению пропаганды национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющей собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию» (2011 г.): «На уровне государств законы о богохульстве контрпродуктивны, так как они могут привести к фактическому цензурированию диалогов и дискуссий между различными религиозными и мировоззренческими системами и внутри них, а также к подавлению критики, которая, по большей части, может являться конструктивной, здоровой и необходимой. ... Более того, право на свободу религии или убеждений в том виде, в котором оно закреплено в соответствующих международно-правовых нормах, не подразумевает прав на религию или веру, не подлежащую критике или осмеянию» [15].

Реакция юридического научного сообщества на включение в законодательство России рассмотренных выше составов правонарушений, связанных с защитой прав верующих, неоднозначна. Многие специалисты поддерживают эти меры и даже говорят об их недостаточности [1].

Другие, наоборот, выражают сомнение в их действенности, основываясь на понимании ограниченности возможностей права, особенно применительно к сфере духовных отношений [7]. К тому же использование в юридической практике оценочных понятий с неопределенным смыслом («осквернение», «кощунство», «оскорбление чувств», «святотатство», «богохульство») открывает дорогу произвольному правоприменению.

Безусловно, вопросы толкования и оценки ситуаций, складывающихся в современном обществе и связанных с религиозным восприятием мира, всегда будут спорными из-за непреодолимого субъективизма отношения (как индивидуального, так и коллективного характера), а также из-за неопределенности границ «частного» религиозного права.

Исходя из складывающейся практики, логично предполагать, что религиозные представители не могут обходиться без протестных возражений про-

тив определенных общественных мероприятий. Именно так складываются отношения на современном этапе развития российского общества. Но в конфликтах процесс не должен иметь смысловое преобладание над результатом, а результатом подобных конфликтов неизбежно должен стать компромисс. Поэтому настало время сформировать механизм достижения компромиссного решения между общественными и религиозными институтами без «автоматического» обращения к государству и его органам.

Представляется возможным пойти по пути применения в данных ситуациях механизма медиации как альтернативной процедуры урегулирования споров с участием в качестве посредника независимого лица. Медиация, как известно, сегодня применяется в принципиально иных (предпринимательских) отношениях, что и отражено в Федеральном законе «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [9]. К слову, в сфере предпринимательства институт медиации не получил широкого распространения именно из-за того, что сторонам проще обращаться в суд, причиной чего являются определенность и однозначность нарушений прав контрагентов.

Зато в сфере «религиозно-светских» конфликтов медиация, безусловно, даст возможность сторонам определиться с существом взаимных требований и претензий, обсудить аргументы «за» и «против» и, возможно, урегулировать конфликт без обращения в государственные (муниципальные) органы.

Остается нерешенным один вопрос: кого стоит избрать в качестве посредника? Возможно, инициативным общественникам стоит подумать над формированием коллегиального органа, включающего специалистов и сторонников разных уровней интересов и компетенций. Именно такой подход позволит «светскому» государству хотя бы частично устраниться из сферы религиозных споров.

Но вышеназванный подход стоит реализовывать с учетом принципа свободы вероисповедания, а также наличия множества конфессий на территории российского государства, что делает неприемлемым главенство РПЦ среди других церквей России. То, что это преобладание существует на сегодняшний день, – бесспорно, и носит оно не столько духовный, сколько политико-социальный характер. Фактически наблюдаются процессы «сакрализации политики» и «политизации РПЦ».

К примеру, федеральной целевой программой «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» предусмотрено государственное финансирование некоммерческих организаций (НКО) в сфере духовно-просветительской деятельности. В 2014–2015 гг. духовно-просветительские НКО получили более 2 млрд руб., при этом в 2014 г. практически все организации, получившие финансирование (1,158 млрд руб.), были учреждены православными епархиями различных регионов России [10].

На фоне этих фактов голословными выглядят утверждения представителей РПЦ о том, что православные христиане фактически дискриминированы из-за усиления на территории России представительства иных конфессий, что под-

тверждается фактами строительства мечетей, буддистских дацанов и т. д. В результате наблюдается деление религий на «традиционные» и «нетрадиционные».

Вспоминается нашумевшая в свое время теория «Окна Овертона», разработанная социологом Джозефом Овертоном, вице-президентом Макинского центра публичной политики (США) в конце 90-х гг. прошлого века [20], которая изначально позиционировалась как исключительно политическая. В дальнейшем она преобразовалась в технологию изменения отношения общества к явлениям, ранее считающимся абсолютно неприемлемыми, путем постепенного их продвижения в глубину общественного сознания (с активным участием средств массовой информации). Любопытно, что эту технологию активно афишируют именно религиозные деятели, говоря о внедрении в массовое сознание россиян «греховных» ценностей [14].

Но в ключе исследуемой темы интересно наблюдать процесс явного приращения технологии «Окна Овертона» с целью нивелирования значения светского характера российского государства через допущение радикального вмешательства представителей церкви в общественные, политические и правовые процессы. В итоге такое свойство личности, как толерантность, изначально трактуемое как терпимость, постепенно и незаметно в умах россиян трансформируется в «попустительство» и «равнодушие», порождающее нейтральное восприятие крайне неблагоприятных и недопустимых, по сути, фактов.

В результате системной оценки поведения представителей общества и государства складывается комплексное впечатление, что в современной России происходит постепенное смещение социальных и политических институтов на фоне повышения значимости религиозной морали. Ни для кого не секрет, что данный процесс фактически противоречит нормам Конституции РФ, делая их все более декларативными.

Принцип секуляризации привел к тому, что российское государство как политический институт до сих пор не имеет четко определенной позиции, что именно стоит считать «частным» религиозным правом, а что – «публичным», и что важнее для современной России.

Ошибочная идея о мировоззренческом и даже идеологическом доминировании русского православия как социального института и РПЦ по-прежнему поддерживает иллюзию возможности построения самой государственности на основаниях какой-то универсальной и даже единственной религиозной морали.

Список литературы

1. *Беспалько В. Г.* Уголовно-правовая охрана религиозных отношений / В. Г. Беспалько // Журн. рос. права. – 2014. – № 7. – С. 41–50.
2. *Верховский А.* Уголовное право стран ОБСЕ против преступлений ненависти, возбуждения ненависти и языка вражды / А. Верховский. – М. : Центр «Сова», 2014. – 280 с.
3. *Де Сальвиа М.* Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящейся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. / Микеле де

Сальвиа ; пер. с фр. А. А. Жукова, Г. А. Пашковская. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 1072 с.

4. Закон об уголовной ответственности за оскорбление религиозных чувств верующих. Комментарий Юридической службы Московской патриархии // Русская православная церковь : офиц. сайт Моск. патриархата. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3093568.html> (дата обращения: 24.03.2015).

5. *Ириней Еп. Орский и Гайский*. «Оскорбленные верующие уже мыслят себя палачами» / Епископ Орский и Гайский Ириней // Частный корреспондент : сайт. – 17.02.2015. – URL: http://www.chaskor.ru/article/episkop_orskij_irinej_oskorblennye_veruyushchie_uzhe_myslyat_sebya_palachami_37844 (дата обращения: 24.03.2015).

6. *Исаева А. А.* Запрет оскорбления религиозных чувств верующих и реализация прав человека: сравнительно-правовой анализ / А. А. Исаева // Конституц. и муницип. право. – 2013. – № 4. – С. 37–42.

7. *Никитина Е. Е.* Свобода совести: теория и практика ограничений прав в Российской Федерации / Е. Е. Никитина // Журн. рос. права. – 2013. – № 12. – С. 65–74.

8. О свободе совести и о религиозных объединениях : федер. закон № 125-ФЗ от 26.09.1997 // Собр. законодательства РФ. – 1997. – № 39. – Ст. 4465.

9. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : федер. закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 23.07.2013) // Рос. газ. – 2010. – 30 июля.

10. Об утверждении распределения субсидий, предоставляемых в 2014 году из федерального бюджета некоммерческим организациям в рамках федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» : распоряжение Правительства РФ от 28.05.2014 № 901-р // Собр. законодательства РФ. – 2014. – № 23. – Ст. 3012.

11. Основы законодательства Российской Федерации о культуре: утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612–1 (ред. от 21.07.2014) // Рос. газ. – 1992. – 17 нояб.

12. Постановление по делу об административном правонарушении мирового судьи первого судебного участка Центрального судебного района г. Новосибирска по делу № 5–1-263/15 // Судебный участок мирового судьи №1 г. Новосибирска Центрального судебного района : офиц. сайт. – URL: http://1cnt.nsk.msudrf.ru/modules.php?name=info_pages&id=1437 (дата обращения: 24.03.2015).

13. Постановление Самарского гарнизонного военного суда № 5-50/2014 от 25 апреля 2014 г. // Судебные и нормативные акты РФ. – 25.04.2014. – URL: http://sudact.ru/regular/doc/ajeFwcUvYS66/?regular-txt1426594759797&snippet_pos=286#snippet (дата обращения: 24.03.2015).

14. *Постолов И.* Окно возможностей Овертона и легализация греха / И. Постолов // Православие.ру : интернет-журн. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/67684.htm> (дата обращения: 24.03.2015).

15. Рабатский план действий по запрещению пропаганды национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющей собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию // СОВА : информ.-аналит. центр. – 07.11.2014. – URL: <http://www.sova-center.ru/misuse/publications/2014/11/d30593> (дата обращения: 24.03.2015).

16. Стенограмма общественного обсуждения постановки оперы «Тангейзер» в Новосибирском государственном академическом театре оперы и балета (13.03.2015, М. Гнездииковский пер., 7/6, большой зал коллегии) // М-во культуры РФ : офиц. сайт. – 19.03.2015. – URL: http://mkrf.ru/ministerstvo/departament/detail.php?ID=623062&SECTION_ID=74935 (дата обращения: 24.03.2015).

17. Суд прекратил производство в отношении директора оперы «Тангейзер» // Интерфакс. – 10.03.2015. – URL: <http://www.interfax.ru/russia/428775> (дата обращения: 24.03.2015).

18. «Тангейзеру» грозит лишение финансирования. Позиция Минкульта // Сибкрай.ру. – 19.03.2015. – URL: <http://sibkrai.ru/news/4/874028/> (дата обращения: 24.03.2015).

19. Blasphemy, religious insults and hate speech against persons on grounds of their religion: Recommendation of Parliamentary Assembly 1805 (2007) [Electronic resource] // Council of Europe. – URL: <http://assembly.coe.int/ASP/Doc/XrefViewPDF.asp?FileID=17569&Language=EN> (mode of access: 17.03.2015).

20. *Lehman J.* A Brief Explanation of the Overton Window. Mackinac Center for Public Policy [Electronic resource] / J. Lehman. – URL: <http://www.mackinac.org/12887> (mode of access: 06.04.2015).

21. Leo L. Protecting religions from “defamation”: a threat to universal human rights standart / L. Leo, F. Gaer, and E. Cassidy // Harvard Journal of Law & Public Policy. – 2011. – Vol. 34, N 2. – P. 769–784.

«The Case of Tannhäuser»: Secular Paradox and Legal Collision

L. V. Savinov, E. A. Dorozhinskaya, A. V. Sigarev

Siberian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Novosibirsk

Abstract. The article presents correlation of ethical, legal and socio-political aspects in the conflict between Orthodox activists and representatives of the Novosibirsk metropole on the one hand and the authors of «Tannhäuser» opera (the Novosibirsk State Academic Opera and Ballet Theatre) on the other. Particular attention is paid to possibilities and limitations of Church “inclusion” in secular space of culture and art. With regard to court decision and public discussion accompanying the resonance situation, the authors identify the causes and consequences of the conflict. «The Case of Tannhäuser» showed a high level of conflictogeneity of modern Russian society when sacred and institutional conceptions of the role of Church as a social institution in the postmodern conditions get in touch with each other.

Keywords: religion, government, law, sacral, secular, conflict, religious symbol, ROC (Russian Orthodox Church), Novosibirsk, Tannhäuser.

Савинов Леонид Вячеславович

*доктор политических наук, доцент,
декан, факультет государственного
и муниципального управления
Сибирский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
(РАНХиГС) при Президенте РФ
630102, г. Новосибирск,
ул. Нижегородская, 6
тел.: 8(383)3731345
e-mail: savinov@sapa.nsk.su*

Savinov Leonid Vyacheslavovich

*Doctor of Sciences (Political Science),
Associate Professor, Dean of the Faculty
of Public and Municipal Administration
Siberian Institute of Management –
branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration (RANEPA)
6, Nizhegorodskaya st., Novosibirsk, 630102
tel.: 8(383)3731345
e-mail: savinov@sapa.nsk.su*

Дорожинская Елена Анатольевна
кандидат юридических наук, доцент,
декан, юридический факультет
Сибирский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы (РАНХиГС)
при Президенте РФ
630102, г. Новосибирск,
ул. Нижнегородская, 6
тел.: 8(383)3731345
e-mail: sofia_1974@mail.ru

Сигарев Андрей Васильевич
кандидат юридических наук, доцент,
кафедра конституционного
и муниципального права
Сибирский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
(РАНХиГС) при Президенте РФ
630102, г. Новосибирск,
ул. Нижнегородская, 6
тел.: 8(383)3731345
e-mail: ne203@mail.ru

Dorozhinskaya Elena Anatolyevna
Candidate of Sciences (Law), Associate
Professor, Dean of the Law Department
Siberian Institute of Management –
branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration (RANEPA)
6, Nizhegorodskaya st., Novosibirsk, 630102
tel.: 8(383)3731345
e-mail: sofia_1974@mail.ru

Sigarev Andrey Vasilyevich
Candidate of Sciences (Law), Associate
Professor, Department of Constitutional
and Municipal Law
Siberian Institute of Management –
branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration (RANEPA)
6, Nizhegorodskaya st., Novosibirsk, 630102
tel.: 8(383)3731345
e-mail: ne203@mail.ru